

Весь город спит. Хоть недалек рассвет,
Еще темно. В гостинице дешевой
Шаварш пирует, храбрый хумбапет,
Всё пьет и пьет, опухший и багровый...
Мужчина грузный, ростом молодец,
Шрам через всю скулу под правым глазом, —
Считал он украшеньем свой рубец,
Особенно, когда бывал «под газом».
Шрам и усы. Как два снопа, блестя
Ржаной великолепной желтизною,
Они стекали вниз, как два ручья,
Шаваршу придавая вид «героя».
Под дугами густых бровей блуждал
Взор мутный, словно кровь таил под спудом...
Себя непобедимым он считал
И нации армянской главным чудом.
Шаварш всё пил. Угрюмый истукан,
Сидел он во главе стола, как старший,
И каждый опорожненный стакан
Еще плотней сжимал уста Шаварша.
Вокруг него, как дети вкруг отца,
Сидел его отряд, и до рассвета
Вино лилось, и пили без конца
За славу и здоровье хумбапета.
Егор-игдирец, рядом с ним Аро,
Татик, качах Сако — головорезы,
Которых сам побанвался Дро,
Хоть и ценил их ружья и обрезы.
Он вызвал их к шести часам утра...
Наверно, чтоб послать отряд на дело...
Все пьют — они на это мастера, —
Пока заря в окне не заалела...
Шаварш угрюм. Тревога как змея
Вползает в грудь — ни шум однообразный,
Ни крепкие напитки, ни друзья
Не прогоняют думы неотвязной...
Дро приказал явиться ровно в шесть...
Зачем зовет? Опять играет в прятки?

Он только намекнул, что дело есть,
А ты сиди, отгадывай загадки...
Зачем потребовался хумбапет?
Куда его пошлет? Не так-то просто
Предугадать... Идти туда иль нет?
Кто даст совет? Кто знает Дро-прохвоста?
И можно ли уйти от этих лап?
Добром не сделаешь — заставит силой...
Вчера Шаварш грозил разрушить штаб,
Всех разогнать... Ну кто там заправили?
Дрянь! Обрусевшее офицерье!
Проборчики, напудренные лица...
Перчаточки... крахмальное белье...
И сосункам он должен подчиниться?
Они ж от мушки штык не отличат,
А про войну слыхали только в школах!..
Чему учиться у таких ребят?
Что видели они? Девчонок голых...
И эти сопляки, которых он
С собою может в баню взять, решили,
Что хумбапет им будет подчинен,
Безропотно потерпит их засилье!
Хотят владеть страной! Какая прыть!
Всей армией руководить из штаба!
Правителей продажных утвердить...
Склониться? Что он — кошка? Или баба?
А этот Дро, игдирский хумбапет,
Который был героем-террористом,
Он с ними заодно... А в чем секрет?
Да в том, что хочет быть у них министром!
В военные министры метит Дро,
Он хочет сам командовать парадом...
А дальше что? Предвидеть не хитро —
Игдирцев соберет... Тогда отрядам
Придет конец — обезоружит всех...
Убьют, а трупы выбросят собакам...
Чтоб штаб его дурацкий без помех
Мог процветать...
Тут всё покрылось мраком
В глазах Шаварша. Мысли в голове
Смешались — от излишка ли спиртного,

Иль от досады. . . Так минуты две
Дремал Шаварш.
Очнулся. Выпил снова.
И мысли вновь, одна другой черней,
Полезли. . .
Дро. . . С ним разговор короткий. . .
Вчера убил двоих своих парней
За то, что те по пьянке из пролетки
Кого-то вытряхнули на панель
И, плюнув в господина, смылись быстро!
И началась такая канитель. . .
Как оказалось, плюнули в министра!
Угнали министерский экипаж. . .
Вай, подлецы! Да он-то что за шишка?
Что — мир он спас, министр премудрый ваш?
Подумаешь, запачкалась манишка!
Дро поступил с парнями как бандит —
Он вызвал их в милицию обманом:
Велел им объявить, что их простит,
Они пришли, и при каком-то пьяном
Их повели, как будто на допрос,
А в коридоре выстрелили в спины. . .
Без шума, без свидетелей. . . Прохвост!
Да разве поступают так мужчины?
Он многих так на тот отправил свет —
Так был Тевик застрелен, брат Егора. . .
Простит ли Дро Егор? Конечно, нет!
Теперь навек Шаваршу он опора.
Вот он сидит, в стакан уставив взгляд,
И спяна обнимается с соседом,
С Аро из Карса. . . Он теперь как брат
До гроба хумбапету будет предан.
Да, это не какой-нибудь бандит,
Он может положиться на Егора, —
Теперь уж до конца не разлучит
Ни глупая обида их, ни ссора. . .
А Дро хорош. . . Мне нрав его знаком. . .
Нет столько яда и в зменном жале. . .
И тут Шаварш ударил кулаком
Об стол, да так, что рюмки задрожали. . .
И голову на локоть уронив,
Согнувшийся, застыл в оцепененье. . .

А шум всё рос, и в нем звучал мотив
Турецкой песни... Где он это пенье
Слышал? Когда? Не помнит... Пел Сако.
И так была знакома песня эта!
И снова где-то в сердце, глубоко,
Тревога уязвила хумбапета.
Хотелось встать и плюнуть на лаваш,
И опрокинуть стол...
Уж утро близко.
А всё еще колеблется Шаварш —
Идти ли к Дро? Кто знает цену риска?
Полез за маузером... Эх, пальнем!
Но тут разжалась вдруг рука Шаварша, —
Мужчина он — не юбка ведь на нем,
И в жилах кровь течет, не простокваша...
Пусть Дро силен, но ведь своих ребят
Не станет зря губить он, и при этом
Все знают — за Шаваршем ашират...
И тут предстали перед хумбапетом
Ночь... Алагёз... истошный лай собак...
Мычанье угоняемой скотины...
Проходят через села... Всюду мрак...
Повозок скрип да топот лошадиный...
В повозках дети, женщины сидят
На тюфяках, на тряпках, на посуде...
Скот впереди. А сзади ашират,
Шаварша ашират, все эти люди
Из Хнуса... Их война согнала с мест,
Чтоб разбросать по свету, а у многих
Всё отняла — родителей, невест,
Жен и детей, и кров, и скарб убогий...
И эти люди, всё и всех виня
В своих несчастьях, уж на всё готовы —
Поджечь, убить, разрушить — за коня,
За куль муки... Кто встретится, любого,
Кто б ни был — турок, русский, армянин,
Не всё ль равно — всех ждет одна могила...
Лишь выжил бы в арбе малютка сын,
Старуха мать от голода не выла...
Из Хнуса в Алашкерт, оттуда в Карс...
И сколько их, что вечным сном уснули

На перепутьях этих государств
От голода, от тифа или пули...
На всем пути их — смерть...
Те, что дошли
До русской стороны, той, для которой
Так много крови пролили, земли
Обетованной, — от войны и мора
Бежали и надеялись... На что?
Остались снова под открытым небом!
Ни помощи, ни жалости, — никто
Не приютил, не поделился хлебом...
И это — братья? Родина? В тепле,
Устроенные, сытые, сидели...
Как проходимцев на чужой земле
Их встретили... Наверно, обрусели!
Войны не нюхали! И тут пришло на ум —
Не потому ль бежали с поля брани,
Не потому ли сдали Эрзерум,
Карс и Алекполь? Горе вам, армяне!
От этих дум пылала голова...
Он горько усмехнулся, налил снова
И выпил... Чьи-то лица и слова
В мозгу мелькали — образы бывшего...
Сако всё пел.
И горечь всё текла...
И вдруг Шаварш так явственно, так живо
Припомнил ночь близ тюркского села, —
Они три дня почти без перерыва
Сражались здесь...
Под утро, вспомнил он,
Всё пробудилось от густого дыма —
Его ребята с четырех сторон
Селенье подожгли... Неукротимо
Рвались они туда — и вот, как смерч,
Ворвались во главе с Шаваршем... В страхе
Все схоронились...
Сея кровь и смерть,
Он, с маузером, на коне, в папахе,
По улице скакал во весь опор,
И вдруг — конь на дыбы...
Он видит чудо —
Пред ним был ангел... Он глаза протер —

Нет, женщина... Но кто она? Откуда?
Поводья натянул он, конь заржал,
Но покорился... И, глазам не веря,
Шаварш от напряженья весь дрожал...
Она взглянула... Боже, что за пери!
Глаза горят от ужаса и слез...
Белее снега перед хумбапетом
Сверкнула грудь — как зимний Алагёз,
Когда туман сползет перед рассветом...
Шаварш коня сдержал, что было сил
Поводья натянув...
В тот миг, весь в черном,
На взвившемся коне, что землю бил
Копытами и ржаньем непокорным
Звал в путь хозяина, остолбенев
Пред женщиной в смятенье и восторге,
Он был ужасен — весь порыв и гнев,
Над ней поднявшись, как святой Георгий...
В ее глубоких словно ночь глазах
Был ужас... Это краткое мгновенье
Казалось веком... Он почувал страх,
Что женщина исчезнет, как виденье,
Как облако, тумана зыбкий лик,
И только он да конь в селенье этом
Останутся... Но в этот самый миг,
Как пена белая, пред хумбапетом
Упала женщина:
«Курбан сяви!
Сян мяным игитым!.. — она кричала, —
Возьми меня с собою, эрмяни!
Мян сяварым сани, игит!»
Сначала
Он думал, что ослышался, что сон
Всё длится... Конь, дрожа от нетерпенья,
Едва стоял... И тут увидел он,
Как из дверей какого-то строенья
С книжалом выскочил солдат, крича:
«Не дам, Шаварш! Моя добыча! Сука...
Из рук удрала!.. Ну так получай!»
Потом раздался крик... И смолк. Ни звука...
И на мгновенье всё застлал туман...
Сверкнул клинок...

Шаваршу почему-то
Почудилось, что он как будто пьян...
Навек запечатлелась та минута
В душе его, захочешь — оживи,
И всё опять воскреснет, как когда-то:
Тень маузера, женщина в крови,
Конь, рвущий удила, и труп солдата...

Что это было — наважденье? бред?
Не слыша ни мольбы людей, ни клятвы,
Жег, бил, стрелял и рушил хумбапет,
Покрыв село снопами красной жатвы.
Ни женщина, ни отрок, ни старик
Пощады не нашли в селенье целом,
И всё оно казалось в этот миг
Привязанным к коню безгласным телом...
В мозгу Шаварша, погрузясь в туман,
Горело тело женщины, как рана...
В ту ночь, как волк, он был от крови пьян,
Волк, потерявший женщину...
И спьяна
Шаварш ударил по столу рукой
И снова выпил... Но не полегчало.
Он вытер ус и вспомнил вдруг с тоской
Коня...
А песнь Сако еще звучала.

2

Уже во мгле поблескивал рассвет,
За окнами гостиницы алея,
А за столом отважный хумбапет
Всё пил и пил, от хмеля тяжелея.
Все были пьяные. Обняв Дро,
Татик всё целовал его. Угрюмый
Егор, ворча и проклиная Дро,
Всё пил... Шаварша вновь томили думы.
Их нити, разметавшиеся вдруг
По незапамятным путям былого,
Под старой песни заунывный звук,
Вокруг злодея Дро кружились снова...

Уж утро осветило Ереван;
Всё обагрив, как красные чернила,
Рассвет, зевая, прогонял туман,
И брань Егора — вот что первым было
Ему приветом — брань и воркотня...
Весь город спал сном грудным, нездоровым,
И утро наступающего дня
На всё ложилось грузом стопудовым...
Спал город, беспокойно, тяжело,
Лишь чей-то голос, детский или женский,
Внизу у входа бился о стекло,
Пронзая визгом этот сон вселенский...
Шаварш всё размышлял, идти иль нет.
Осталось два часа, а значит, надо
Решенье принимать... И хумбапет
Решил: да, он пойдет. Но без отряда.
Ребята будут за городом. Их
Он известит, по-видимому, скоро.
С собой возьмет он только четверых:
Аро, Сако, Татика и Егора.
Да, только их. Достаточно ему.
Дро, может быть, подстроил им ловушку...
Он может всё — упрятать их в тюрьму
Иль спровоцировать и взять на мушку...
На всё способен он...
И мутный взор
Куда-то пред собой уставив тупо,
Шаварш увидел вдруг знакомый двор
Милиции и два прикрытых трупа
В углу двора — Тевик, Егора брат,
И Агаси... И на песке опилки,
Чтоб кровь закрыть...
Казалось, парни спят,
Лишь маленькие ранки на затылке...
В них выстрелили сзади...
Вот их суд!
И маузер рука схватила в гневе,
Кровь в голову ударила... И тут
Он опьянел...
.....
То не осенний ветер листья бьет,
Не прорезает темноту ракета,

То хумбапет Шаварш с отрядом пьет,
В гостинице пируя до рассвета.
Да, это он вдруг встал из-за стола
И маузер схватил, чтоб тот зловеще
Пел песню смерти, песню тьмы и зла,
Всё громче, беспощаднее и резче...
За ним его ребята всей гурьбой —
Егор, Татик, Сако и остальные...
А город pistolетною пальбой
Всё бредил, как тифозные больные...
Сквозь забытье неясно слышал он
На розоватом предрассветном фоне
Хор маузеров, что звучал сквозь сон
Фрагментами трагических симфоний...
Стреляли парни из оконных ниш,
Уставясь на восход, стреляли спьяна,
И пули прыгали на крыши с крыш,
Среди молочно-белого тумана.
И в этой мгле, куда-то ввысь спеша,
Поверх всего массива городского,
Шаварша одинокая душа
Летела, словно туча, что готова
Бураном снежным охватить весь свет,
Всё лихорадкой потрясти кровавой...
Стреляли парни, глядя пулям вслед,
Туда, где жертв своих ждала расправа...
Шаварш к ним повернулся:
«Все за мной!»
И выскочил... И потекли из горла
Ругательства и хохот затажной,
И снова брань... Он подозвал Егора:
«Егор, нас Дро зовет для важных дел...
На небо нас пошлет, к твоим братанам!...»
И маузер Шаварша вновь запел
Песнь гибели...
В своем задоре пьяном
Был хумбапет ужасен — он шагал,
Шатаясь, чуть не падая, а сзади
Его ребята, каждый как шакал,
И трезвого ни одного в отряде,
Все пьяные...
Так шел Шаварш вперед,

Не видя ничего в хмельном угаре,
Его трясло, горел от жажды рот,
И тут же, у ворот, на тротуаре
Его стошнило. . . Парни с двух сторон
Стопились, окружая перекресток. . .
Смолк маузер. Раздался хрипый стон. . .
Там кто-то умирал. . . Старик? Подросток?
Кому какое дело, что восход
Прекрасного наирского светила
Встречает хрипом искаженный рот?
Кого задело это и смутило?
Шаварш воспрял.
И вот, собрав людей,
Он удалился грузными шагами.
А сзади двое маленьких детей,
Скелетики с большими животами,
Вдруг бросились к блевотине его
И стали пожирать, припав к ней жадно,
Как псы голодные, уж ничего
Вокруг себя не видя, пищей смрадной
Поспешно рты набив. . . И только страх,
Что чей-нибудь пиннок иль окрик зычный
Прогонит их, поблескивал в глазах,
Да голод их, безумный, безграничный. . .

.
По городу шагает хумбапет,
За ним, шатаясь, пьяные ребята.
Уж в утро превращается рассвет,
Проснулся город. И спешат куда-то
Прохожие, стараясь проскользнуть,
И словно в лад ночному их кошмару,
Вокруг распространяя страх и жуть,
Шагает хумбапет по тротуару.
И маузер хватает:
«Эй, ты, марш. . .
К стене лицом! — замедлив шаг нетвердый,
Кричит он встречным. —
Я иду, Шаварш!
А ну-ка, становись к забору мордой!»
«Шаварш идет!» — кричит толпа парней,
Грозь прохожим с хохотом и бранью. . .

И человек встает лицом к стене,
Боясь противиться его желанью.
И скольких он ни встретил в этот час,
Всех повернул к стене или к ограде.
Безропотно был выполнен приказ, —
В то утро страх читал он в каждом взгляде
И тешился, хоть честь невелика.
Так, с важностью, бросая гордо взоры,
Он прошагал всю улицу, пока
Не встретил человека вдруг, который
Лица не повернул. . .
Что было сил
Орал Шаварш: «К стене!» В ответ на это
Тот маузер спокойно зарядил
И так стоял напротив хумбапета.
Шаварш смутился. . . Всё казалось сном!
Хотел стрелять, но в это же мгновенье
Его ударил кто-то кулаком,
И он упал, сначала на колени,
Потом плашмя, к чужому сапогу
Припав щекой. . .
И словно в чаще леса,
Померкло всё. . . Казалось, что в мозгу
Протянута железная завеса. . .
Он не слышал, как затрещал забор
От выстрелов, как дрогнула защита,
И не почувствовал, когда Егор
Свалился на него, как брус гранита. . .
Не видел, как отряд его вразброд
Бежал, не знал позорного разгрома. . .
Сквозь забытие казалось, кто-то жжет
Ему железом ухо. . .
Только дома,
Когда пришел в себя и вспомнил взгляд
Прохожего с усмешкою несносной,
Он понял — это ж хумбапет Сумбат,
Его, Шаварша, старший брат и крестный. . .
.
.

Ноябрь-декабрь 1928